

Александр Гордеев

НЕ БОЙСЯ ТЁМНОГО СНА...

НЕ БОЙСЯ
ТЁМНОГО
СНА...

Александр Гордеев



Александр Гордеев

Не бойся тёмного сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9998723

Аннотация

Современного писателя, жившего в двадцатом веке и предсказывающего, что в будущем все люди будут физически восстановлены, и в самом деле оживляют в 44 веке... В повести нет выстрелов, убийств, погонь. Спокойная литературная работа с несколько философскими размышлениями. Повесть написана 20 лет назад. И как полагал автор, реалии его произведения наступят ещё не скоро. Однако уже сейчас в нашей жизни есть многое из того, что предполагалось лишь в далёком будущем. Книга иллюстрирована талантливым забайкальским художником Евгением Шишковым.

Table 1. Demographic characteristics of the study population

Characteristic	Number	Percentage
Age (years)		
< 18	10	10.0
18-24	10	10.0
25-34	10	10.0
35-44	10	10.0
45-54	10	10.0
55-64	10	10.0
65-74	10	10.0
75-84	10	10.0
≥ 85	10	10.0
Gender		
Male	10	10.0
Female	10	10.0
Marital status		
Married	10	10.0
Single	10	10.0
Widow	10	10.0
Divorced	10	10.0
Never married	10	10.0
Education		
Illiterate	10	10.0
Primary	10	10.0
High school	10	10.0
University	10	10.0
Postgraduate	10	10.0
Occupation		
Unemployed	10	10.0
Government employee	10	10.0
Private employee	10	10.0
Self-employed	10	10.0
Retired	10	10.0

the study population. The mean age was 50.5 years, with 50% of the population aged 45 years or older.

The majority of the study population was female (55%), and 45% were married. The majority of the study population was illiterate (50%), and 45% were unemployed.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

The majority of the study population was a government employee (45%), and 45% were self-employed. The majority of the study population was a private employee (45%), and 45% were retired.

The majority of the study population was a university graduate (45%), and 45% were postgraduate. The majority of the study population was a high school graduate (45%), and 45% were primary school graduate.

Александр Гордеев

Гордеев А.Н.,

Не бойся темного сна... – Фантастическая повесть.

Для оформления книги использованы рисунки художника

Евгения Шишкова.

© Гордеев А.Н. 1992

© Шишков Е.А. 2009

НЕ БОЙСЯ ТЕМНОГО СНА...

Повесть

"Забыв обо всем на свете, он уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал фразу: "Когда спящий проснется", – употребленную в виде поговорки – насмешки над тем, чего никогда не будет".

"Когда спящий проснется"

Герберт Уэллс.

1. ПО ТУ СТОРОНУ БОЛИ

– По-моему, он уже здесь, – были первые слова, произнесенные очень напряженным шепотом.

– Да, да, он, кажется, проснулся, – констатировал другой человек и тут же распорядился. – Все! Переносим на кровать! Аппарат уходит! Он не должен его видеть.

Бывает, что, очнувшись после тяжелой операции,

человек долго не может сообразить, что к чему, но Нефедов вернулся сразу с ясным пониманием, что он в больнице. «Ну, конечно, конечно, – с уже готовой иронией подумал он, как бы оглоушено и с креном всплывая из бездны тихого сна, – как же, испугался я ваших железячек...» Глаза открывать не хотелось: полежать бы еще на этом невероятно удобном лежаке, остыть от боли и послушать поток эфирно-свежих сил, подхватывающих тебя, распрямляющих каждую твою жилочку, каждый

4

капилляр. Кажется, вот лежал ты на мелководье, и вдруг взмыло тебя большой, горбатой волной и тебе, замершему от восторга, показалось на мгновение, что сила этой океанской волны – твоя сила. В какую-то секунду, как это бывает во сне, Нефедову привиделось из детства: вот выходит он из теплой вечерней воды Ильинки, оставляя в ней пыль и усталость, вынося восторг и бодрость... И тут же единой картиной раскрылся весь день до этого: сегодня он, белобрысый пацаненок, ходил вместе со своим пятым классом по колхозному полю с пшеничными всходами и серпом, привязанным на палку, срубал сочные кусты кислицы. А потом, уже из дома, стоя на педалях, скатился

к

речке на велосипеде. Но тьфу ты! При чем тут какой-то велосипед!

Ох, уж это блаженство покоя, по ту сторону

преодоленной боли...

Полежать, однако, не удалось: чьи-то руки приподняли и положили на койку с прохладной свежей простыней, на место менее удобное, но более знакомое. И тут кто-то так выжидательно и осторожно тронул его за плечо, что Нефедов, вместо того, чтобы открыть глаза, напротив, плотнее зажмурился, выжидая дальнейшего.

– Вставайте-ка, вставайте, – сказали ему с мягкой насмешкой, словно уличая в невинном притворстве, – вы же проснулись...

Нефедов открыл глаза, привычно по-стариковски вздохнув, ну что тут поделаешь, они уже все знают за него. «Вы проснулись», видите ли... Хоть подсказали, а то б не догадался...

Палата была прежней, как бы сфотографированной несколькими вчерашними прорывами в сознание. Тут и плакат, призывающий к донорству, с рисунком, пример-

но, пятилитровой капли крови, от которой ни за что не хотелось отдавать свою кровь. А вот врачи уже другие, вероятно, утренняя смена: у них ведь тут, понимаешь ли,

5

все как на производстве. Ближе всех стоял высокий, очень строгий врач (наверное, старший). Второй был с рыжеватой, короткой бородкой, с лицом борца или коренного сибиряка. Третий, державшийся за блестящую

спинку кровати, смотрел с настороженной, прямо-таки «локаторной» улыбкой. Их странная выжидательность заставила Нефедова заподозрить, что позади было нечто

не

шуточное: наверняка, эти эскулапы изрядно покровсали его своими маленькими ножичками. Хорошо бы теперь выведать, что с ним натворили, что вырезали, что оставили. А, главное, сколько он еще протянет на этом белом свете.

– Ну, братцы, – сказал он, сосредоточив все внимание на их лицах, – ночью-то я чуть было не умер (хотел сказать «чуть не сыграл в ящик», но растроганно пожалел себя и сдержался). Проснулся, где-то часа в три и, знаете, такая боль и в сердце, и в голове, и во всем теле. Никогда не болело сразу все. Вот, думаю, она тихая-то и легкая, как

все

считают, смерть во сне... Просто потом про нее никто уже не расскажет. Надо, думаю, эту боль как-то передохнуть, протолкнуть в себе. Если передохну, значит выкарабкаюсь... Ну, да обошлось, видно, слава богу... Нефедов ждал, когда его перебыют, но врачи отчего-то буквально внимали каждому его слову, и он с опозданием испугался за себя – при пустяках-то они бы и вякнуть не дали...

– Скажите, вы помните, как вас зовут? – вдруг спросил старший.

Бородатый от этого нелепого вопроса даже подался вперед. В ожидание переплавилась и улыбка третьего.

– Вот те на! – изумился Нефедов. – Вы что же привезли, не зная кого? Разве Сережа, мой сын, ничего вам не сказал?

– Мы все знаем, – нетерпеливо проговорил старший, – и все же назовитесь, пожалуйста.

6

Нефедов назвался. Они распрямились, с облегчением вздохнули, потом сошлись и по-братски обнялись. Большой

и предполагать не мог, что его анкетные данные могут быть причиной кого-то странного, сдержанного ликования.

– Простите нас, – сказал старший, повернувшись к нему с растроганным лицом, – потом вы все поймете. А сейчас еще раз скажите, пожалуйста: «Я – Нефедов Василий Семенович».

– Да сколько угодно, – растерянно ответил пациент и щедро повторил свое полное имя.

– А вот когда вы произносите эти слова, – подозрительно зацепился бородатый, – то вы ощущаете себя именно **этим** человеком?

– Прошу прощения, так я что в психиатрической больнице? – с иронией спросил Нефедов (сказать «в психушке», опять таки не решился – ситуация и впрямь

была странноватой) и на всякий случай серьезно прислушавшись к себе, заключил. – Да, я ощущаю себя именно собой, а не Наполеоном Бонапартом и тем более

не

Фридрихом Энгельсом.

– Что ж, не беспокойтесь, именно вы-то нами и нужны, – с улыбкой заверил старший. – Расскажите о себе что-нибудь еще.

– Да что же нового вам расскажешь? В истории болезни все есть: сами знаете, что у меня с сердчишком не все в порядке...

– Нет, не об этом... Кто вы? Чем занимались? Кем были?

– Как это «были»? Да кем был, тем, надеюсь, и остался, если уж ожил («ожил я волю почуя» – вдруг пришло в голову совершенно нелепое). Я – писатель, если это будет позволительно, написал несколько книг. Правда, может быть, не особенно путных, ну, да потомки рассудят...

– Кстати, вы можете сесть, – предложил старший, – если вам это удобней.

7

Нефедов не понял: сесть после операции?! Он все же сменил позу и обнаружил, что этого мало. Это небольшое шевеление пробудило в нем страстную жажду двигаться...

ся...

Он поднял голову, оторвал от постели спину, опустил но-

ги

и без всякого напряжения, без всякой лени в своих старых костях сел. В теле было лишь чувство бодрости и здоровья.

– Вы можете и пройтись, – подсказал старший.

Сам не понимая как это возможно, Василий Семенович встал и пружинисто прошелся по палате. Понятно, что они

просто любовались таким бодрячком. Их взгляды мешали,

потому что тело пылало желанием потянуться. Эх, потянуться бы так, чтобы движением тронуло каждую клеточку.

– Вы подвигайтесь, подвигайтесь, как хотите, – заметив его намеренную сдержанность, снова подсказал старший. И тогда Нефедов позволил себе все: и потянулся, и наклонился во все стороны, и присел и даже чуть-чуть пробежался от стены до стены, высоко и часто поднимая коленки, как запасной футболист перед выходом на поле.

И это в семьдесят пять-то лет! Да еще прямо у больничной койки! Спohватившись, Василий Семенович смущенно и пристыжено опустил на кровать, но радость распирала его.

– Ну, господа-товарищи, – сказал он, светясь глазами и чувствуя, что от этих прыжков у него даже дыхание не сбилось, – вы вдохнули в меня жизнь. Так не бывает. Это

чудо какое-то... Но почему вы не спрашиваете об ощущениях?

Рассевшись по фанерным больничным стульям, они смотрели на него глазами путников, перешедших пусты-

ню.

Так что это была за операция? Операция ли? Попрыгал бы ты после операции... Василий Семенович сунул руку под толстую пижаму с начесом, ощупал грудь, живот и ничего не обнаружил. Не обнаружил и того, что должен был обнаружить обязательно. На левом боку не оказалось

8

шрама от перелома ребер (поскользнулся как-то в гололед

и

хрястнулся на бетонную ступеньку крыльца). Как все это понимать?! На всякий случай (не запутался ли сам с эти-

ми

ребрами?) Нефедов проверил и другой бок. Но и там было чисто. И какого черта они молчат?!

– Послушайте, – по-заговорщицки вкрадчиво с понижением голоса, сказал Василий Семенович, решив, что лучше бы отсюда поскорее смыться, – если все так прекрасно, то может быть, я... домой?

Он надеялся, что они его поймут и отпустят как-нибудь так, чтобы никто больше не видел. Они переглянулись и вздохнули. Старший переставил стул и сел напротив Нефедова. Ладони он, как школьник, положил на колени и

Василий Семенович заметил дрожь его пальцев.

– К сожалению, дома вас уже никто не ждет. Их всех уже нет. . – как бы извиняясь, сообщил он.

– И куда ж они уехали? – язвительно спросил Нефедов, видя, что его почему-то дурачат.

– Их вообще нет. Уже давно нет. .

– Как это нет?! – теперь уже похолодев, спросил Василий Семенович. – Да что случилось-то, черт возьми! Авария? Катастрофа? Война? Ну, что?!

– Ничего, – сказал старший, – всего лишь время...

случилось... Туда, к сожалению, не ездят... Только не перебивайте. Выслушайте вначале. Так, вот. . с чего же я хотел начать-то... Господи, пятьдесят лет готовился к это-

му

разговору и забыл. Дело в том, что мы выбрали вас не случайно. Мы надеялись, что именно вы адаптируетесь здесь быстрее любого... Если вы это предвидели, значит, легче примите. Нет, все не то. Словом, помните, как в одном из своих романов вы утверждали, что смерти нет, что смерть – это лишь запасник, подвал, откуда всех умерших вызволят потомки и что произойдет это тогда, когда развившаяся цивилизация позволит жить одновременно всем...

9

– То есть, вы говорите о восстановлении, – подсказал Нефедов, – только, извините, я никогда не употреблял

слова «подвал».

– Я передаю саму мысль. Вы ведь писали об этом?

– Писал. Ну и что? Вы с этим не согласны?

– То-то и оно, что даже **очень** согласны.

– Тогда в чем же дело?

– В том, что теперь вы можете наяву убедиться в собственной правоте...

– Что-о?! – Нефедов потряс головой, как бы сбрасывая наваждение.

Не отрываясь, наблюдали за его реакцией и они...

2. КАКОЙ ГОД БЫЛ ВЧЕРА?

– После вы поймете наш смешной вид, – сказал тот, что был с бородкой. – Все тут вроде бы обыденно, но для нас сегодня очень торжественный день, потому что вы – первый, воскрешенный за всю историю цивилизации.

Думаю, что это даже позначительнее первого полета в космос. Сегодня вы стали первым героем цивилизации и десятки памятников, которые любят и поныне, вам обеспечены. Никаких телекамер и съемочной аппаратуры, привычной для вашего времени, здесь нет и все же, поверьте, что сейчас за нашей, не очень складной беседой следят и на Земле, и на Луне, и на нескольких, освоенных землянами, планетах, и в космогородах, и на кораблях межпланетных экспедиций. Как вы думаете, какой нынче год?

– Вероятно, тот же, что и вчера, – неуверенно

пробормотал Нефедов, – одна тысяча девятьсот девяносто первый. Шестнадцатое июня, по-моему.

– Верно, вы умерли в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое июня. И сегодня именно шестнадцатое июня. Мы специально, чтобы вы легче вошли к нам,
10

поджидали совпадения дат. Но только год нынче: четыре тысячи триста шестьдесят пятый... Словом, сорок четвертый век...

– И мы, как говорится, рады вас приветствовать, – вставил, видимо, уже давно заготовленную фразу круглолицый врач, что все время улыбался.

Нефедов некоторое время застыло смотрел куда-то в угол палаты, стараясь усвоить тот абсурд, что когда-то он умер и сейчас такой невозможно далекий год...

– Выходит, меня восстановили? – уточнил он.

– Именно так, – подтвердил старший. – Вас высчитали по всем биологическим, личностным, духовным и прочим параметрам. Сначала вычислили последовательность всех молекул и атомов вашего организма, а потом вырастили его из нового материала. Приблизительно так вы это когда-

то и представляли. И, кстати, оказались правы: вся сложность воскрешения в том, чтобы вернуть человеку именно его сознание, именно его «я». Потому-то мы и спрашиваем вас не о здоровье, о котором знаем все, а о

самосознании, что знаете только вы. Больше всего мы боялись, что вы не скажете «я». Но попадание оказалось в яблочко...

– Значит, вы не врачи... – сделал Нефедов нелепую догадку.

– Мы восстановители: так нас и называют. И уж, простите, пожалуйста, за еще один контрольный вопрос: насколько ясно вы помните прошлое?

– Нормально помню, – задумавшись и как бы на каких-то внутренних весах взвешивая память, проговорил Нефедов.

– Оно не кажется вам слишком ярким или слишком тусклым? – снова с особым пристрастием спросил тот, что с бородкой, как будто имеющий возможность подстроить его память вроде яркости телевизора.

11

– Да вроде, все как обычно. Что-то помню, что-то нет. . Вчерашний вечер помню отчетливо. У Андрейки, моего внука, был день рождения. За столом сидели: Сережа – мой сын, со своей женой и Наташа – дочка, с Андрейкой. А потом меня увезли. Господи, да они же волнуются... Последние слова Василий Семенович произносил растерянно, и все более замедляясь.

– Да, да, – подтвердил его немой вопрос старший, виновато пожав плечами, – они давно уже не волнуются... Ни дети, ни внуки, ни все пра-пра-пра...

– Вы оживили только меня?

– Да.

Некоторое время Нефедов сидел с открытыми, но слепыми глазами. Они не тревожили его, не торопили события.

– Я не верю! – вдруг заявил он. – Здесь все такое же, как у нас.

– Специально, такое же, – уточнил старший, – ведь мы хотим плавно перевести вас в наше время. Но вот и новенькое...

Он подошел к стене, и там распахнулось окно.

– Взгляните. Но, прошу вас, поспокойней...

Нефедов, настороженный уже тем как странно, само собой, отворилось окно, подошел и обомлел. Снаружи оказался чужой фантастический город с причудливыми, разноцветными крышами.

– Кино, да и только, – поневоле зачарованно произнес Василий Семенович.

В небе в два слоя или в два яруса вились какие-то разноцветные точки. Особенно стремительны были те,

что

находились на втором ярусе: их скорость, кажется, превосходила скорость реактивных самолетов. Уже одно это мельтешение придавало миру совершенно иной образ: мир казался плотней и объемней, потому что простран-

ство

было, как бы обозначено, этими предметами до

12

головокружительной высоты. Нефедов смотрел вверх, как вдруг совсем близко из-за ближайшего здания взмыло в небо одно такое приспособление, похожее на каплю. Под ее светлым колпаком можно было заметить людей.

Буквально за какие-то секунды капля затерялась в общем мельтешении.

– Как называется ваш транспорт? – спросил Нефедов.

– А вы бы как назвали? На что это похоже? – сказал старший.

– На мошек, – ответил Нефедов.

– Что ж, довольно точно, – засмеявшись, сказал восстановитель. – Это одно из, скажем так, неофициальных названий. А на самом деле эту мошку называют «леттрам».

– Но как они не путаются, ведь это же целый рой? И направляющих у них нет. .

– Направляющие есть. Конечно, не рельсы, как у ваших поездов и трамваев. Просто каждая такая «мошка» точно вычисляет координаты своего движения, согласно движения других «мошек». То есть, она движется по тем же направляющим, которые мгновенно прокладываются перед ней. Отсюда и название транспорта: «леттрам» или «летающий трамвай».

«Леттрам... Придумают тоже...», – подумал Нефедов.

Он приблизился к окну, но не обнаружил в нем стекла. Он протянул руку, и пальцы уперлись в твердую невидимую преграду.

– Господи, – сказал Нефедов, – какие чистые у вас стекла, они даже не отсвечивают.

– Это не стекло, – пояснил старший, – а простекло. И хотя «стекло» в этом слове звучит, но на самом деле это нечто иное. Это даже не вещество. Это твердое, непроницаемое состояние пространства. Хотя оно может быть и пластичным. Теперь вы можете протянуть туда ру-

ку,

13

высунуть голову и простекло, как бы вытянется за вами, продолжая вас защищать.

Василий Семенович сунул руку в окно, и оказалось, что никакой преграды там уже нет, хотя рука не ощутила наружной температуры.

– Что значит «теперь»? – спросил он. – Ведь вы ничего для этого не сделали...

– Как это не сделал? Я подумал, – ответил старший. –

Многие предметы и не только предметы, как, например,

то

же простекло, которое не является предметом, подчиняются желаниям человека, если, конечно, другой человек не желает в это время противоположного.

Нефедову

потребовалась

порядочная

по

продолжительности пауза, чтобы усвоить эту невероятную

информацию.

– Ну, хорошо, – проговорил он, – а если я хочу подышать воздухом без всякого простекла?

– Пожалуйста, – сказал восстановитель.

О том, что окно открылось, можно было догадаться по легкому порыву воздуха, по вдруг зашумевшей листве деревьев. И Нефедов невольно ушел в наблюдение. Окно находилось на уровне шестого-седьмого этажа.

Разноформенные жилища, созданные, казалось, тысячами

разных архитекторов, стояли в беспорядке, и без всяких автомобилей. Там были редкие деревья, кусты и много короткой травы. Людей, одетых легко, цветасто и полупрозрачно было не много. Нефедов не успел их толком разглядеть, как его внимание отвлекла старая белая

лошадь, которая вышла на лужайку перед домом и стала щипать траву. Василий Семенович сделал усилие, чтобы

обойтись без восклицаний.

– А что это за город? – спросил он.

– Тот, в котором вы жили...

– Не велико ли совпадение? – подозрительно спросил

Нефедов. – Если восстановление произошло впервые в



истории, то почему ваша лаборатория находится именно в моем городе?

– Нам пришлось считаться со структурой пространства, – объяснил старший. – Пространство – это единственная координата, оставшаяся для вас неизменной. В дальнейшей

работе по восстановлению это будет не так важно, но в первый раз мы стремились к абсолютной чистоте

эксперимента. Институт восстановления начали строить лишь после того, как был определен кандидат на воскрешение. Понятно, что был выбран именно этот город.

Василий Семенович вернулся к кровати, как к родному островку и сел.

– Можно мне побыть одному? – попросил он. – Я хочу придти в себя.

Когда они вышли, Нефедов еще раз внимательно осмотрелся вокруг. Было ли это именно той палатой, куда его привезли? Помнится, еще по дороге в «скорой» ему сделали какой-то укол, потому что он задыхался и здесь

сразу попросил поставить кровать ближе к окну, к свежему

воздуху. И когда один из санитаров взялся за верхнюю

никелированную трубку кровати, то она вылетела из гнезда. Помнится санитар, еще матюгнулся в полголоса на больничное оборудование и, забыв о больном, начал с таким остервенением вколачивать ладонью трубку на место, что кровать просто загнула... Вспомнив это, Нефедов вскочил, дернул за спинку, и трубка осталась в руках. Некоторое время он стоял в оцепенении. И эта конкретика: прохлада металла, на котором оставались и

тут

же гасли влажные следы от пальцев, обломанный край тумбочки о который, видимо, открывали бутылки с минералкой и лимонадом, неприятный больничный запах

его потрясла. Да как возможно все это так ясно видеть, слышать, ощущать, но быть в другом времени?! Как уразуметь, что на этой самой кровати ты лежал два с лишним тысячелетия назад и на ней же умер? Так просто не бывает. Нефедов вставил трубку на место, ощупал себя, задрал широкую штанину пижамных брюк и, вывернувшись, заглянул себе под коленку, помня «тай-

ную»

родинку, которую вполне можно было упустить при восстановлении. Но родинка оказалась на месте. Василия Семеновича удивило другое: что же, выходит, он прове-

ряет

достоверность самого себя? С ума сойти! Да, конечно, это он сам и есть: так ясно и отчетливо он уже давно себя не ощущал. О бодрости тела и говорить нечего. Звуки он слышал без всякого тумана, а видел... И другое потрясе-

ние

– да он же без очков! Проверая это, Нефедов даже приложил ладони к глазам. Странно, что и само ощущение

ние

глаз, кожи оказалось более тугим что ли... Да что тут ему осмысливать, если пока у него лишь одни вопросы...

– Вот именно, – сказал с порога старший восстановитель, – задайте сначала нам свои вопросы.

– Какие вопросы?! – изумился Нефедов.

– Те, которые вы хотите задать.

– Откуда вы знаете **что** я хочу?

– Мы телепатически следим за вашими мыслями.

Нефедов плюхнулся в скрипнувшую сетку. Да ведь они следят не только за мыслями, они вообще видят каждое

его

движение. Ну и концерт он им устроил с этой трубкой и с хитроумным вывертом для осмотра собственной ноги.

– А какое у вас право?! – возмутился он.

– Признаться, никакого. Конечно, телепатия безнравственна и возможна лишь в исключительных случаях, но между нами и вами-фантомом, каковым вы были еще до сегодняшнего утра, эта связь была

необходимой. Мы просто еще не отключились. Но, может быть, вы согласитесь еще немного побыть под контролем?

– Еще чего!

– Что ж, – произнес старший восстановитель, – примите наши извинения.

– Хотя, я, конечно, понимаю, – примирительно заговорил Нефедов, – я ведь сейчас вроде бы еще не совсем принадлежу себе, я ведь у вас вроде подопытного. Но вы уж хотя бы не следили за мной, когда я один.

– Спасибо, я знал, что вы нас поймете. Кстати, не хотите ли вы для начала осмотреть более современное
17

жилище, чем то, в котором мы сейчас находимся? Это рядом.

3. СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ...

Комната, в которую они вошли, была с голубоватыми стенами с разноцветными квадратами и
прямоугольниками, напоминающими следы от вынесен-

ной

мебели. Мебель же комнаты состояла из дивана, двух кресел и столика: кресла были похожи на шары, диван на приплюснутый шар. Василий Семенович опустился в кресло, тут же пришедшее в какое-то странное шевеле-

ние,

и через секунду сидящему показалось, что он просто покоится в нем.

– Не удивляйтесь, – сказал старший восстановитель, – это кресло-робот. Привыкайте, что теперь большинство предметов – роботы.

Нефедов уже чисто экспериментально навалился на спинку, наклониться в одну, в другую сторону и всякий раз

кресло по восковому переплавлялось под его позу.

Старший восстановитель смотрел на эти испытания с теплой понимающей улыбкой.

– А мы-то думали, что роботы со временем станут такими, что их и от людей не отличишь, – сказал Василий Семенович.

– Чтобы вздрагивать потом от встречи с ними где-нибудь в темном месте? – засмеявшись, заметил старший восстановитель. – Нет уж, машина, есть машина.

Говорящим роботам мы намеренно придаем особый, отличительный тембр... Хотя роботы, которых и впрямь не

отличишь от людей, у нас есть. Их намеренно делали такими. Одно время с ними были серьезные проблемы (да и сейчас они еще кое у кого остались). И мужчины и женщины приобретали их себе в качестве половых партнеров. Это казалось, удобным, ведь интеллект,

18
привычки и принципы у такого партнера могут быть ров-

но

такими, как тебе хочется. Берешь его, обучаешь всему, делаешь, по сути, почти зеркальное отражение себя и он нравится тебе ровно столько же, сколько ты можешь нравиться себе, да еще, к тому же, может удовлетворить любые твои потребности. Но постепенно это сошло на нет. Даже хорошие роботы надоедают. . Но давайте-ка, решим такой вопрос: вам ведь эта больничная палата уже не нужна?

– А что вы с ней сделаете?

– Распылим.

– То есть уничтожите? А что же останется мне?

– Современное жилище. Но если хотите, мы восстановим квартиру, в которой вы когда-то жили.

– Как вы это сделаете?

– Воскрешать предметы куда проще, чем человека, – сказал старший восстановитель, с улыбкой показав ладонью на самого же Нефедова.

– Н-да, – с растяжкой произнес тот, – наверное, прежде всего мне теперь надо научиться ничему не удивляться. . .

– Будем считать, что с квартирой решено, – подвел итог старший восстановитель. – Она будет за этой дверью, вместо палаты. Ассистенты слышат нас и сейчас все сделают. А эту комнату мы, пожалуй, оставим. Привыкайте

к современному образу жизни. Здесь оборудование и роботы, без которых вам не обойтись. Кстати, вы ведь еще

не завтракали...

Это предложение было весьма своевременным. Голод ощущался не меньшей страстью, чем недавнее желание потянуться. Нефедов был даже чуть недоволен собой: о желудке ли думать сейчас!

– Да я б, конечно, не отказался, – как можно сдержанней согласился он.

– Ну, хорошо, тогда нам нужно... – старший восстановитель казалось, задумался над тем, что им нуж-

но

19

для завтрака, – и, пожалуй, помидоры, – закончил вслух

он

свою мысль. – Сейчас завтрак будет подан, – сказал он уже Василию Семеновичу.

– Откуда? – изумился тот. – Ведь вы даже не поднялись с дивана. Вы ничего не сделали...

– Я подумал о завтраке, – сказал старший восстановитель.

Они заговорили о чем-то другом, как вдруг минут через пять один из цветных квадратов в стене открылся, оттуда выкатился и остановился прямо перед ними столик с помидорами, огурцами, яблоками, с тарелкой желтовато-

го

дымящегося куриного бульона.

– Когда вы в следующий раз захотите есть, то сделайте

то же самое, – объяснил старший восстановитель, – то есть, просто вообразите все, чего хочется. Не забудьте, кстати, подумать о температуре заказываемого. Если поначалу вам покажется это сложным, то произнесите заказ вслух. Вы будете поняты и услышаны. Кстати, эта система действует и автоматически, то есть, анализируя ваше физическое состояние, она в тот момент, когда вы начнете испытывать голод, сама выставит все, в чем вы нуждаетесь и чего можете захотеть. Количество поданного будет соответствовать вашими потребностям: система не оставит голодным, но и не перекормит.

Не успев вникнуть в сказанное, Василий Семенович кивнул, жадно глядя на столик. На помидорах и огурчиках поблескивали капельки воды. Яблоки источали приятнейший аромат, вроде смеси яблока и земляники, видимо, новый сорт какого-то более позднего века. – И вы хотите сказать, что это натуральные продукты? – сказал Нефедов.

– Разумеется, – ответил восстановитель, с аппетитом высасывая из помидора сок, чтобы он потом не брызнул, – все это выращено на земле, на черноземе, если хотите. С

20
бульоном сложнее. Он выработан из растительной пищи, но точно так же, как это произошло бы и в живой курице. Нефедов начал с молоденького огурчика в мелких пупырышках. Ох, уж и огурчик: закроешь глаза и неволь-

НО

увидишь себя пацаном, поливающим из водопроводного шланга на огороде, и решившим тут же подзакусить ополоснутым овощем с парника.

Как ни странно, но именно голод, как наиболее жизненное желание, а после и сама еда, позволили Нефедову реальной приблизиться к этой невероятной действительности.

– Вы так пристрастно выведывали мое имя, – добродушно сказал он, – а сами не назвались.

– Меня зовут Юрием.

– А по бабушке?

– Юрий Евдокимович. Но можно и не величать. А моих ассистентов... Тот, что с бородкой – Виктор, а второй – Толик. Собственно, Толик – это мой сын, хотя на меня он, конечно, совсем не похож. Что поделаешь: между нами большая временная разница, он относится совсем к другому поколению...

– Послушайте, – пользуясь приоритетом старшего, сказал Нефедов, уже переходя к дымящемуся бульону, приправленному зеленым лучком и укропчиком, – а, мо-

жет

быть, нам лучше на «ты»? А то уж как-то слишком официально.

– Принимается, – радостно и даже с каким-то внутренним распрямлением, согласился Юрий

Евдокимович.

– Надеюсь, вас это не обидит, – все же деликатно уточнил Нефедов, – вы ведь совсем молодой. Сколько вам,

если не секрет?

– Да понимаете... понимаешь, – смешался Юрий Евдокимович, – мои годы вряд ли покажутся тебе

21

молодостью. Хотя, того понятия молодости, какое было у вас, сейчас нет. .

– Да ладно, чего уж там... Так, сколько же тебе?

– В апреле этого года исполнилось четыреста четырнадцать...

Нефедов застыл с ложкой неподвижного, отсвечивающего бульона, поднятой над тарелкой. Он заставил себя сглотнуть этот бульон и немного помедлил.

– Ну, уж это ты загнул, – заключил он, наконец. – По виду-то вам всего лет тридцать.

– Если «по виду», то тридцать три. Мы что уже снова на «вы»?

– Не могу же я «тыкать», если вам столько лет. . Н-да-а, ну и дела... Интересно, а день рождения вы отмечаете?

– Иногда... Обычно десятилетия. День рождения с годами становится слишком привычным. Печально, но ценность того факта, что ты, в общем-то, родился на этот свет, со временем как бы нивелируется...

– Я вот не понял, – сказал Нефедов, – как понимать твои слова, что твой сын, относится к другому поколению?

– Ну, а как иначе, если ему еще нет и тридцати? Он моложе меня на двести десять лет. Это мой младшенький

и

к нему я привязан больше, чем к другим детям.

– А много их у тебя всего?

– Ты знаешь, – снова замялся старший восстановитель, – по нашим меркам не много, но тебя это, боюсь, шокирует. Всего у меня тридцать детей...

Нефедов понял, что если он будет так часто открывать рот от удивления, то никогда не наестся.

– А сколько же у тебя тогда было жен? – спросил он.

– Жен? Отношения между мужчинами и женщинами определяются сейчас иначе. Мужчина и женщина живут под одной крышей до тех пор, пока вместе им лучше, чем порознь. Могу сказать, что тридцать моих детей от четырнадцати женщин...

22

– Ну и ну, – только и протянул Нефедов, – хотя, если так долго жить, то, что уж тут дивиться...

– Ну, а вам, сколько лет, как вы думаете? – спросил старший восстановитель.

– А чего мне думать? Я скажу без всяких уверток – семьдесят пять.

– А не меньше? – улыбаясь, спросил Юрий

Евдокимович. – Вон там зеркало, взгляни.

Нефедов положил ложку и с недоумением отправился взглянуть на себя. Теперь он уже не был уверен ни в чем, тем более, что, и впрямь, что-то не ощущал груза своих семидесяти пяти.

То, что называлось зеркалом, издали казалось пустой нишей в стене, но когда Василий Семенович приблизился, то навстречу ему вышел человек в коричневой больничной

пижаме. Нефедов сделал было даже движение поздороваться с ним: никакой разделяющей плоскости между отражением не было, да и отражение выходило не зеркальным, а правильным. Таким Нефедов помнил себя лишь на фотографиях молодости: на лице ни морщинки, в темных, а вовсе не в седых волосах, никакой залысины. Вероятно целую минуту он остолбенело стоял перед красавцем – собой.

– Сколько же мне теперь... здесь? – спросил он, наконец, кивнув на отражение, которое еще не совсем связывал с собой. – Не помню, когда я был таким.

– Тебе тридцать лет. Ты на три года младше меня, – рассмеявшись, сообщил старший восстановитель.



– Вы еще и подмолодили меня... – сказал Нефедов, – но, ведь, простите, я помню, как меня на пенсию провожали. Тогда мне подарили прекрасный набор ручек с золотыми перьями...

– Правда, одна из них оказалась непригодной, – заметил Юрий Евдокимович и, развеивая удивление Нефедова, добавил. – Василий Семенович, я же главный специалист по такому предмету изучения, как «Нефедов Василий Семенович». В том, что вы помните свою жизнь до пенсии и далее, нет ничего удивительного. Свою первую, как сказали бы в прежние времена, естественную жизнь, я прожил до восьмидесяти лет и тоже помню ее. А потом мне откачали биологический возраст до двадцати пяти. И так бывало уже несколько раз. Увы, увы, время как текло, так и течет. И другого способа справиться с ним, как каждые сорок-пятьдесят лет отгребать вверх по течению, нет. Есть у нас, правда, человек, живущий пока что естественной жизнью. Это – Сай Ши, китаец. Сейчас ему что-то около двухсот лет и все его именуют не иначе как Великим Старцем. У Сай Ши своя философия. Он утверждает, что бесконечная жизнь – это нарушение естественных законов. Ну, ясно, что в такие-то годы он уже дряхлая развалина. Не знаю, что с ним будет: может быть,

и умрет. Правда, говорят, недавно он, якобы, произнес такую фразу: «Кажется, жизнь меня побеждает». Мы понимаем это как постепенный отказ и от своих взглядов, и от смерти. Но, кстати, дом стариков у нас есть ...

– Может быть, дом престарелых? – поправил Василий Семенович.

– Да, у вас это называлось так, но то, что существует теперь – это нечто иное, потому и называется это место более откровенно. Помните, у вас были своеобразные кабинеты психологической разгрузки? Так вот этот дом у нас выполняет примерно такую же роль. То есть, на са-

мом-

то деле, там живут, конечно же, молодые люди, играющие роль стариков. Кому-то из них хочется просто испытать старость, кому-то хочется некоторое время побыть в состоянии старости. Странно, но в нас почему-то осталась такая потребность.

25

– Но что же мешает им состариться естественно?

– Но ведь этого нельзя сделать сразу, как захочется.

Хотя, скажем так, пожилые люди у нас есть и кроме Сай Ши. Ну, это, знаешь, как бывает. Вот вроде бы тебе пора уже и восстановительный курс пройти, да все как-то некогда, все дела какие-то. Вот и тянешь до последнего...

– Вроде, как у нас, когда нужно сходить к зубному врачу,
– добавил Нефедов, – выпал зуб, нужно идти вставлять, а

он не болит, вот и ходишь беззубым...

– Может быть, и так, – согласился восстановитель, хотя, кажется, сравнение с зубами его удивило. Вероятно, и с зубами у них было как-то иначе.

– Ну, хорошо, – сказал Нефедов, – а что будет со мной дальше?

– Ты будешь жить, как и все. И ожидать общего воскрешения. Думаю, что ты будешь ждать его больше всех.

– А когда оно начнется?

– Уже через пятьсот-шестьсот лет.

– Уже?! Да вы что!

– Но это очень грандиозное событие... У нас еще нет полной информации о сотнях миллионов человек. Ты сам когда-то писал, что «для восстановления надо знать о прошлом все, вплоть до дрожания паутинки на ветру, до лепета каждого листка на каждом дереве доисторического леса». Мы часто вспоминаем эти слова, принимая их, правда, с оговоркой. Лепет каждого листка нам не нужен, но что касается человека, то тут: да и да! Тут необходима даже куда большая точность.

Завтрак был окончен. Когда это стало всем очевидно, столик сам собой вместе с использованной посудой скрылся в нише.

– Страшно представить, что теперь я буду жить так долго, – сказал Нефедов.

– Страшно?! ...Хотя, это понятно. Тебе надо принять жизнь иначе: в образе чего-то открытого, безграничного. Принять нормой то, что у нас все неизвестно, все распахнуто... Если б ты знал, как много мы не знаем...

Кто

знает, например, какую форму приобретет наша жизнь в будущем? Сколько фантазий существует на этот счет! С другой стороны, современная цивилизация мудрей: она

не

забывает человека массой информации, особенно, в ка-

ком-

нибудь извращенном виде, вроде рекламы, считавшейся когда-то чуть ли не искусством. В нашем веке установки иные. У нас каждый идет от себя и берет из накопления цивилизации лишь то, что ему нужно. Очень скоро ты тоже обживешься у нас, вживешься в наше мировоззре-

ние.

Тебе, кстати, очень нравится эта пижама? От нее же лекарством за версту несет.

– А сейчас есть лекарства?

– Таких вот «ароматных» нет.

– А почему моя пижама так воняет?

– Потому что такой она когда-то была. Вот оно «дрожание паутинки». Нет более или менее точного воспроизведения, есть лишь точное. Иначе ничего не

выйдет. Но теперь тебе нужен костюм. Хочешь взглянуть, что у нас носят?

– Наверное, мне будет комфортнее в костюме своего времени, – сказал Нефедов и поспешил оправдаться. – Странно все это... Когда-то в юности у меня была зависть

к

людям будущего, которые будут пользоваться благами невиданной цивилизации, а теперь цепляюсь за свое. Старший восстановитель попросил его подняться и прямо, как бы сквозь свое отражение пройти в нишу. Ниша засветилась ровным сиреневым светом, потом свет слегка качнулся и погас.

– Все – мерка снята, – сказал Юрий Евдокимович, направляясь к дивану.

27

Нефедов последовал за ним, оглядываясь и ничего не понимая.

– Уточните покрой костюма, – раздался приятный женский голос со стороны ниши, и Нефедов догадался,

что

это голос робота, в котором, и впрямь, был какой-то странноватый, дополнительный тембр, вроде вплетенной медной нитки.

– Ах, да! – спохватился Юрий Евдокимович. – Костюм-тройка тебе нравится? Согласен?

– Еще бы!

– А цвет? Серый, темно-синий?

Нефедов, растерявшись, не сразу вспомнил, что ему больше нравится, и лишь махнул рукой, мол, все сойдет. Юрий Евдокимович заказал все по своему вкусу, добавив еще белую рубашку, галстук и туфли.

– Все по моде одна тысяча девятьсот девяносто первого года, – особенно внушающе уточнил он неизвестно кому, казалось какому-то духу, витающему вокруг них.

– Это тоже робот? – спросил Нефедов.

– Тут все вместе. Точнее сказать, это специальная служба изготовления и доставки.

– В мое время такое было возможно только в сказках, – сказал Нефедов.

– Что ж, ведь и сказки для чего-то складывались, – улыбнувшись, заметил старший восстановитель.

4. КВАРТИРА С ПРЕДБАННИКОМ

Нефедов подошел к окну и стал смотреть на город.

– До меня жили миллиарды и миллиарды людей, – задумчиво проговорил он, – но почему восстановили именно меня?

– Если бы сейчас вместо тебя у этого окна стоял другой человек, – ответил Юрий Евдокимович, – то, наверняка, и

28
он спросил бы себя о том же. Но ведь надо же было с кого-то начинать...

– Но почему не с какой-нибудь замечательной личности?

– А ты разве против? Спросить разрешения мы не имели возможности. Но такая замечательная личность

для

нас – ты. Мы выбирали кандидата по степени гибкости психики и по потенциальной, предполагаемой, конечно, способности мягко адаптироваться к новому.

– А какой чистый воздух в городе, – проговорил Нефедов, как бы не слыша объяснений. – Значит, это четыре тысячи триста...

– ...шестьдесят пятый год, – подсказал старший восстановитель.

Юрий Евдокимович не успел среагировать: он видел только, как воскрешенный повернулся от окна с отсутствующим лицом и рухнул на пол.

Помощь пришла мгновенно. Одна из стен комнаты тут же ушла вместе с потолком, и в комнату опустилось то самое сооружение, на котором Василий Семенович впервые очнулся в этом мире. Ассистенты, вбежавшие следом, подхватили Нефедова и с помощью Юрия Евдокимовича уложили на толстый, обнимающий настил машины.

– У пациента обморок, – тут же сообщила машина. Все облегченно вздохнули.

– Пациент очнется через десять секунд, – продолжал робот.

– Давайте-ка его на диван, – поторопил Юрий

Евдокимович, – но нет, не успеем. Ладно, оставьте.

Нефедов открыл глаза, сел на лежанке, и восстановители помогли ему перейти на диван.

– Что это было? – спросил он.

– Обыкновенный обморок.

– Обморок?! Разве у мужиков бывают обмороки? Прямо, как барышня какая-то... Со мной никогда такого не было.

29

– Значит, у нас в сорок четвертом столетии впечатлений побольше, – пошутил Толик.

– А-а, да и у нас хватало, – ответил Нефедов, как бы защищая свое время. – Просто я хотел представить, все годы, которые прошли. И тут все поплыло...

Робот, на котором только что лежал Василий

Семенович, неслышно удалился. Оба ассистента: Виктор

и

Толик ушли следом. Проводив их взглядом, Нефедов с удивлением уставился на оборудование, которым было нашпиговано все за стеной. Стена и потолок, словно театральная декорация, отгораживающая комнату от машинного цеха, медленно возвращалась на место.

– Да я здесь, будто в пробирке, – сказал Василий

Семенович, – за мной, наблюдают, а я в обмороки падаю...

Да и болтаем-то мы с тобой о чем попало...

– А что мы должны рассуждать непременно о судьбах

человечества? Можем и об этом поговорить, если есть желание.

В это время ниша, где с Нефедова была снята мерка, снова засветилась. Василий Семенович подошел к ней и увидел на невесть откуда взявшейся полочке и плечиках: серый костюм, шикарные туфли в розовой прозрачной коробке, в пакетах: рубашка и галстук. Все это, пахнущее магазином, он перенес на диван и начал с любопытством разворачивать.

– Ну, как? Нравиться? – спросил старший восстановитель. – Примерь...

– А, куда спешить, – вздохнув, сказал Нефедов. – Конечно, все это красиво, да не мое.

– Ох, да что же это я! – воскликнул Юрий Евдокимович, шлепнув ладонью по лбу. – Зачем этот заказ? Ведь за дверь уже готова твоя квартира, со всем твоим гардеробом.

Оставив обновки, Нефедов с недоверием подошел к двери из какого-то белого пористого материала. Он

30
протянул к ней руку, но дверь тут же открылась сама, и за ней обнаружилась прихожая его квартиры. Изнутри дверь оказалась обитой дерматином: Нефедов специально обил ее для большей звукоизоляции, и не узнать свою работу просто не мог. Невольно он все же потрогал обивку пальцами, все верно: хотел еще тогда положить под

дерматин поролон, но не нашел и обошелся ватой. А дерматин и эти гвоздики с медными фигурными шляпками

купил в хозмаге около рынка. В прихожей было сумрачно, как всегда. Протянув руку, Василий Семенович безошибочно отыскал выключатель и включил светильник.

Потом, уже в состоянии какого-то рассеянного сознания, не понимая, как вместо крохотной больничной палаты тут образовалась целая четырехкомнатная квартира, и как вообще могла его квартира мгновенно вырасти здесь, он прошел на кухню, подозрительно осмотрелся там. В суши-

ке ребрами стояли тарелки, в поддоне россыпью лежали ложки и среди них одна самодельная, алюминиевая, доставшаяся еще от деда: ручка у нее была вылита в форме

рыбки. А на отключенном холодильнике, который Наташа,

видимо, еще с вечера оставила оттаивать, чтобы помыть, оказывается, спокойно тикал, отсчитывая неизвестно какое

время, будильник. Василий Семенович взглянул на руку и впервые обнаружил на ней свои часы. Было десять часов утра, но будильник, как обычно, убежал на пять минут. Восприятие Нефедова снова сбилось: то, что он видел

сейчас вокруг себя, показалось ему единственно возможной реальностью, а все только что происходившее

В

той светлой комнате с изощренной мебелью, сном или розыгрышем воображения. Ну, а этот человек – восстановитель, вошедший следом за ним?

– Тебе, наверное, смешны эти обои, стулья, – сказал ему Нефедов.

– Ничуть. Ты не волнуйся... Я ж говорил, что мы специалисты по двадцатому веку. Мы уже просто вжились

31
в него. Разве ты не заметил, что мы и говорим на языке твоего времени.

– Честно сказать, о языке я еще не подумал.

Нефедов взглянул в окно, ожидая увидеть привычный уголок двора с натянутыми там бельевыми веревками, с ребячней, прыгающей на панцирных сетках, выброшен-

ных

кем-то кроватей, но там был все тот же причудливый, разноцветный город.

– Мы бы, конечно, могли восстановить тебе и прежний вид из окна, но сам понимаешь, это было бы грубым обманом, – сказал старший восстановитель.

– Конечно, конечно, – согласился Василий Семенович, совсем не понимая, как это они могли бы сделать и вид за окном.

Они вернулись в белую комнату, куда Нефедову, в общем-то, уже не хотелось идти.

– Как же к этому привыкнуть, – сказал он Юрию Евдокимовичу, сев на диван и задумавшись. – Это что-то невозможное. Или, может быть, я только что был под гипнозом? Но пыль-то вот она, – он показал свои пальцы. – Она была там на подоконнике.

– Конечно, пыль-то надо было сразу убрать, – ответил Юрий Евдокимович. – Сейчас я распоряжусь. Есть тут у нас один способный робот. Не переживай он ничего не разобьет. .

– Ну, уж нет! – запротестовал Нефедов. – У меня, слава богу, и у самого еще руки-ноги не отсохли. Только зачем мне одному четыре комнаты? Мне бы хватило и кухни с кабинетом. Ну, пусть еще этот предбанник, без которого, как ты говоришь, не обойтись.

Юрий Евдокимович рассмеялся, позабавленный тем, что «предбанником» была названа современная комната, предваряющая такое древнее жилище. Вообще ему нравилось, что у Нефедова не находилось и тени заискивания перед этим далеким для него веком, что он

32

даже «спасибо» не сказал за свою жизнь и бессмертие. Восстановитель подумал даже, что именно так: спокойно,

с достоинством, должны будут принять бессмертие и дру-

предки.

– Нет уж, живи, как привык, – сказал он Нефедову. – Побудешь с недельку под нашим чутким, как у вас выражались, наблюдением, а когда адаптируешься, перекучуешь в другое место.

– Послушай-ка, – вдруг как-то «секретно» прошептал Нефедов, – а сам-то я случаем не робот? Ведь вы же слепили меня из другого материала.

– А ты что ты этот материал как-то ощущаешь? – уже чисто профессионально и настороженно спросил старший восстановитель.

– Нет, я чувствую все своим. Более того, я давно уже не ощущал своего тела вот так: каждым нервом, каждой жилочкой.

– Тогда в чем же дело? – уже улыбнувшись, спросил Юрий Евдокимович. – Ну, если ты робот, то и мы роботы, ведь время от времени мы проходим через откачку возраста, а это немного схоже с восстановлением.

– Ну, ладно уж хоть не робот. Но вы изучили меня настолько, что наперед знаете все мои реакции.

– Куда уж там... Работая над твоим восстановлением, мы постоянно телепатически общались с тобой, но это походило на общение с суммой знаний о тебе. А уж как поведет себя живой человек, толком не знали. Каждый представлял тебя по-своему. А ты явился такой, как есть.

Ну, вот назвал ты эту комнату «предбанником», и кто из нас

мог бы придумать такое за тебя? Так что у нас полный успех: ты воссоздан, как абсолютно самостоятельная личность, за которую другие думать не могут. Наверное, здесь ты даже сможешь продолжить писать.

– Вряд ли, – раздумывая, ответил Нефедов. – О чем? И для кого? Вы же и так все знаете...

33

– Э-э, нет – душа-то еще не изучена. Вот мы ее, можно сказать, уже в руках держим, вылавливаем из мирового духовного эфира, помещаем в тело (как было с тобой), заставляем жить, а что это такое не знаем. А любовь? А прочие вечные страсти? Хотя, конечно, ты можешь освоить

и другую профессию. У нас есть программы, которые помогут быстро освоить все, что хочешь.

«Да уж поздно мне осваивать-то», – чуть было не сказал Нефедов. А ведь, и впрямь, по-новому надо было как-то на

все смотреть, по-новому. .

Через полчаса старший восстановитель собрался уходить: Василий Семенович нуждался в отдыхе. Было решено, что утром они наметят программу адаптации.

– Если тебе что-нибудь потребуется, то вызови меня, – прощаясь, сказал Юрий Евдокимович. – Набери по свое-

му

телефону... ну, скажем, шесть нолей. Я сейчас домой. Нынешняя ночка, признаться, была у нас не легкой. Сегодня Юрий Евдокимович уезжал с работы с таким редким ощущением удовлетворения, какого не испыты-

вал

давно. А еще он чувствовал усталость, ведь все это время он ощущал на себе взоры миллиардов глаз людей цивилизации, которые, следили сегодня за ним и воскрешенным. Разговоры с человеком из такого дальнего столетия по-настоящему разволновали Юрия Евдокимовича. Как многое хотелось рассказать этому человеку, для которого, казалось бы, любой незначительный факт – уже событие. Как хотелось рассказать именно ему, а не кому-то из своих друзей многое из своей личной жизни, что тоже, наверняка, потрясло бы Василия Семеновича. Но не мог же он сегодня исповедоваться на всю цивилизацию.

Толик, его последний сын достался ему благодаря неизмеримой жертве: его мать, последняя любимая женщина Юрия Евдокимовича, которую звали Ирина, умерла при родах. Такое случалось исключительно редко

и

34

случалось, пожалуй, от излишнего успокоения, от излишней веры во всемогущество медицины, когда срывы

случаются, кажется, в самом гарантированном месте. Ни одну из своих женщин не любил Юрий Евдокимович так, как Ирину и после ее смерти сделал глупость, рабом которой был уже почти, что тридцать лет. Он изготовил робота точно по облику своей женщины, вложив в ее сознание все понятия, которыми, по его разумению, обладала Ирина и, в конце концов, понял, что получил не любимую женщину, а лишь свое представление о ней. Сделав ее идеальной, он запутался в чувствах, не в силах понять: любит ли он ее или уже ненавидит. Во всяком случае, иллюзией, что рядом с ним находится существо, которому можно довериться, он жил не долго. Самое же мучительное и печальное состояло в том, что он привязался к этому существу: женщина могла ласково гладить его по голове, могла говорить с ним и даже высказывать какие-то свои мысли, могла заказать ему

ужин

и ужинать вместе с ним. У нее было сердце, в ее жилах текла настоящая горячая, живая кровь. Однако у нее отсутствовало самоосознание, у нее отсутствовал уникальный человеческий код, и потому чему бы он ни учил ее, как бы не приближал к себе, она оставалась **вне людей, вне человечества**. Юрий Евдокимович пони-

мал,

что когда-нибудь ему придется расстаться с ней, но он не мог перенести той воображаемой картины: как приведет

ОН

ее в лабораторию для распыления, как усадит в кресло и попросит немого подождать. И она будет ждать, зная, что сейчас ее не станет, она будет даже испытывать страх, но не запротестует, понимая, что она не человек, а всего

ЛИШЬ

биологическая машина...



Если он решится на этот шаг, то никто его не осудит, ведь это будет распыление предмета, а не человека.

Напротив, его друзья даже поприветствуют этот поступок, видя, что наконец-то, справившись с собой, он выходит из своего не самого лучшего способа скорби и памяти по любимому человеку.

Тридцать лет назад Юрий Евдокимович жил рядом с лабораторией, в которой работал, но потом вместе с тенью любимой женщины вынужден был переселиться подальше,

чтобы не давать друзьям и коллегам лишнего повода к сочувствию, чтобы Толик не видел своей ложной матери...

5. ТЕЛЕФОН

Войдя в квартиру, Нефедов, кажется лишь для того, чтобы надежней отгородиться от сорок четвертого века, до

отказа вывинтил собачки обоих замков. Для начала стоило,

пусть хотя бы в беспорядочную кучу сгрести все свои впечатления. Пытаясь сосредоточиться или принять какое-

то решение, он обычно не сидел, стискивая голову руками,

а брался за любые домашние дела, и на нитку привычных дел легко нанизывались все рассыпающиеся мысли.

Василий Семенович прошел на кухню, а там сработал инстинкт: захотелось выпить чая. Этому не помешал даже недавний завтрак, потому что без этого традиционного чаепития по приходу домой, он словно бы не чувствовал себя дома.

Оставался вопрос: как возможно было за считанные минуты восстановить его большую квартиру с такой точностью, чтобы сейчас из этого крана могла политься вода? Он начал осторожно откручивать кран, и кран выстрелил вдруг воздушной пробкой, как бывает после отключения воды для ремонта труб. Никогда не вздраги-

вал

Нефедов так от этого водяного выстрела. А в раковину уже

текла ржавая, застоявшаяся вода. Да, конечно же, никуда он не переносился... Не возможно, чтобы там, в каком-то сорок четвертом веке была ржавая вода... Кто же станет там подавать воду по железным трубам? Переждав ржавчину, Нефедов нацедил воду в тонкостенный стакан с ободком и посмотрел сквозь нее на свет. Вода была прозрачной, но Василий Семенович смотрел уже дальше,

37

на переливающиеся бусинки в небе города. Все тот же причудливый город за окном... «Ну, и какую же воду вы

здесь пьете? – подумал Нефедов. – При ваших-то чистейших помидорчиках и огурчиках не иначе, как ключевую или колодезную». Он набрал в рот воды, подержал и разочарованно выплюнул. Вода была с хлоркой. Это была вода его времени. Так, где же он все-таки сейчас?! Слоистость реальности его потрясала. В каком веке было сейчас его сознание? Пожалуй, сознание его разлетелось на два века, расщепленное бездной тысячелетий, мера которой – недавний обморок. Забыв про чайник и открытый кран, Нефедов подошел к окну. На город, поглощая своим чревом леттрамы, надвигалась темно-фиолетовая грозовая туча, от которой на земле все меркло и настораживалось. Василий Семенович распахнул форточку и в застоявшуюся кубыш-

ку

кухни волной вплеснулся такой воздух, каким он никогда не дышал. Никогда в воздухе своего города не ощущал он запахов смешанного леса вперемешку с ароматом яблоневых и грушевых садов. От преддождевой, тенистой прохлады этот живой воздух был освежающим и тяжелым,

как холодная вода. А еще его поразило банальнейшее, базарное чириканье дерущихся воробьев. Василий Семенович тут же закрытил брызжущийся кран, убрал с подоконника литровую эмалированную кружку, в кото-

рую

обычно по стариковской экономии сливал старую заварку от чая и настезь распахнул обе рамы. Воробьи дрались совсем рядом, на ветке ближайшего дерева, а потом вслепую ссыпались на траву. В этом городе были прежние воробьи! Конечно, тут и люди были такими же, но воробьи показались куда более верным связующим звеном. Они показались не потомками неисчислимых воробьиных поколений, а теми же живыми комочками его времени. Подойдя к электроплите, Нефедов произвел еще одно испытание: включил конфорку с перегоревшей спиралью

и

38

минуты две постоял, положив ладонь прямо на кружок,

но,

увы, увы, конфорка так и не нагрелась. Ожидая пока закипит чайник, он заглянул в спальню. Кровать была аккуратно застелена. И застелена именно им, это он клал подушку под покрывало, чтобы можно было прилечь и днем. Да и кому было прибираться в этой спальне, если последние пять лет после смерти жены, он занимал ее один. Створка шкафа была чуть-чуть приоткрыта. Нефе-

дов

заглянул на сложенное там белье, которое обычно утюжи-

ла

дочь Наташа, и закрыл дверку на ключик. Зеркало на дверце отразило его, и он снова принялся рассматривать

свою кожу без морщин и морщинок, потемневшие волосы,

яркую радужку глаз. Как бы не проворачивалось вхолостую

его сознание, не способное перевернуть такой массив информации, но не ликовать от своего чудесного превращения он не мог. Радость портилась лишь одним вопросом: для чего все это? Для чего, если нет уже никого... Для кого твой молодой, цветущий вид? Кто его может оценить? Но с другой стороны душа ликовала от гордости первопроходца: там за окном, новый мир и ты в нем первый из всего прошлого...

Он провел рукой по щетинистому подбородку и привычно отметил, что нужно побриться. А почему дома он в этой нелепой больничной пижаме? Как же он по улице шел? Ах, да... никуда он ни шел, ведь все это происходит на одном пяточке. Он достал из шкафа чистое белье, рубашку, просторные домашние брюки, вошел в ванную, включил воду. Слив ржавчину и первую холодную

воду из крана с горячей водой, отрегулировал температуру,

заткнул пробкой слив, разделся и тут, сквозь шум воды, услышал уже прямо-таки истошный свист чайника на кухне. Он рванулся туда нагишом, но вдруг представил, что

квартира еще просматривается восстановителями. Голый

В

ванной – это понятно, но метаться голым по квартире...
Зачем их смешить? Он быстро надернул те же пузырчатые

39

коричневые штаны, побежал на кухню и сорвал с плиты уже просто плюющийся чайник. Но любопытство: наблюдают за ним или нет, осталось. Нефедов вышел в прихожую, осторожно поднял трубку телефона и услышал привычный длинный тон. Он подумал, что до Юрия Евдокимовича, который сейчас, наверняка, где-нибудь по пути к дому, вряд ли дозвонишься, однако почему бы ни попробовать? Нефедов набрал шесть нолей. Где-то на том конце раздался гудок вызова.

– Я слушаю тебя, дружище, – тут же ответил Юрий Евдокимович.

– Ты что уже дома? – спросил Нефедов.

– Нет, еще в пути.

– Долго едешь. Ты летом, наверное, где-нибудь на даче живешь?

– Нет, я живу только в одном месте. На Аляске.

– На Аляске?! Ничего себе!

– У нас очень хороший климат, – поневоле оправдываясь, сказал старший восстановитель. – Во всяком случае, мне нравится.

– Ну-ну, – пробормотал Нефедов и едва вспомнил, о чем

хотел спросить, – слышь, Евдокимыч, прости, что я дергаю

тебя по мелочам. Скажи: сейчас мою квартиру просматривают или нет? А то мне что-то не по себе.

– Мы ж договорились, что когда ты один, то никаких наблюдений...

Положив трубку, Нефедов решил просто посидеть, расслабиться. К чему это его просто чрезмерное напряжение при каждом обычном шаге? Пора уж, наверное, брать себя в руки. А Юрий Евдокимович-то... Ничего себе: работает здесь, а живет у черта на куличках.



На столике рядом с телефоном лежал телефонный справочник, невольно напомнивший о возможности других звонков. Нефедов снова поднял трубку,

41

взволнованно набрал номер Сережиного телефона. Другой,

неизвестно где находящийся, конец провода отозвался тугими, призывными гудками. Василий Семенович сидел

с

окаменевшим голым торсом. А что если и тут все предусмотрено, как с той же ржавчиной? Вдруг ему ответят? Однако сигналы шли, а трубку не поднимали. Нефедов автоматически взглянул на часы: обычно в это время сын еще находился в своем инженерском кабинете. Скоро длинные гудки сменились короткими гудками отбоя.

Что ж, и это выглядело вполне естественно: трубку не брали, просто все куда-то отлучились, вроде как на картошку в колхоз уехали, хоть это и не по сезону...

Нефедов испытал и другие номера, но всюду было одно и то же: трубку или не поднимали или для разнообразия раздавались короткие гудки «занято». Потеряв всякую, в общем-то, и не очень великую надежду, Нефедов некото-

рое

время сидел, глядя на телефон. Кто тут мог ему ответить?

Этот аппарат, чего доброго, сейчас на Земле вообще в единственном экземпляре. Это ж понятно, что с Юрием Евдокимовичем он связался не по телефону, а как-то иначе,

просто телефон подключен к этому «иначе...» Его аппарат

здесь не более чем игрушка для щекотания нервов.

6. МЕЖДУ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Из задумчивости Нефедова вывел ручеек, вдруг шустро пробежавший из ванной в коридор. Охнув и забыв обо всем на свете, кроме соседки снизу, Василий Семенович влетел в ванную, одним движением обеих рук закрутил краны, и до самого плеча сунув руку в ванну, изливающуюся через край тонкой рваной пленкой, выдернул пробку. Уж при таком-то потопе скандал сегодня

неминуем. Потом лихорадочно отыскал тряпку и принялся

собирать воду.

42

Минут через десять мокрый от пара и пота, он присел на край ванны: теперь тут было сыро, слегка пахло известкой. Конечно же, заблуждение о соседке развеялось еще в работе, но это не успокоило, ведь если квартира повторена до мелочей, то вода все равно куда-нибудь протечет. А куда? Конечно, уж сюда-то дорогая соседка

Зинаида Михайловна не прибежит. Как глупо она, кстати, поступала, постоянно скандаля, если жизнь была такой, какой оказывалась теперь. И все равно уж соседку-то с ее крашенной перекрашенной головой Нефедов встретил бы сейчас с распростертыми объятиями. А если он промочит, да замкнет что-нибудь восстановителям? «Ну, – скажут они, – кого мы и воскресили...»

Еще несколько минут Нефедов сидел, ожидая неизвестно кого и чего. Потом, понемногу отойдя, сбросил

больничные штаны, надетые прямо на голое тело, и опустил во вновь наполняемую ванну. Вода приятно омывала молодое, упругое тело. Хошь не хошь, но все же это – ты. Ты молодой в этой старой, привычной ванной. А, может быть, будущее со всеми его событиями, с болезнями

детей, с рождением внуков и с их именами, которые не надо придумывать, а достаточно вспомнить, с книгами, которые еще не написаны, но уже созрели в голове: просто привиделось? Привиделось и воскрешение. На самом же деле все идет, как шло, и смерть существует настолько,

что если сейчас глубоко задуматься о ней, то она той же ледяной когтистой лапой стиснет твое сердчишко. Но опять же, если ему сейчас тридцать и все привиделось, то, как очутился он в этой четырехкомнатной квартире? В

тридцать-то лет они с Сашенькой жили в коммуналке. Там у них родился Сережа, а после и Наташа. А эту квартиру они получили лишь после того, как он ночами на общей кухне написал два своих романа, и его признали писателем. И когда стены этой ванной он собственноруч-

но

отделывал вот этим самым молочным кафелем, то помогал

гал

43

ему уже десятилетний Сережка. Так что, какой тут сон...

А

психика его, кстати, не столь и пластична, как надеялись восстановители.

Когда Нефедов, порозовевший от горячей воды, побрившийся, благоухающий шампунем «зеленое яблоко»,

ко»,

в свежем белье, прошел на кухню, то за окном была гроза не гроза, а что-то странное. Привычной молнии не было: небесный разряд происходил не ярким разрывом неба, а густой паутиной разбегающейся по всему небесному сво-

ду

и оттого необычно ярко освещающей землю. Гром после этого долетал не сочным высоким перекатом, а рассеивающимся треском, похожим на рассыпающийся горох. И Василий Семенович, потомственный гуманитарий, мало что смыслящий в физике, догадался,

что эта сеть забирает в себя энергию молнии: люди просто обуздали ее. Но дождь был, как дождь. Хорошо было пить чай в сорок четвертом веке под густой шум воды, падающей с неба, скатывающейся с листьев, журчащей с крыш...

Только что сомневающийся в самой реальности бессмертия, Нефедов залюбовался этой необычной грозой

и как-то обыденно подумал, что все же странным было бы и в самом деле не существовать на свете сейчас, когда шумел этот обширный и, наверное, в чем-то во все времена одинаковый дождь, когда продолжалось само время и эта зеленая земная жизнь. «Да уж, – заметив такой поворот в своем настроении, подумал Василий Семенович,

– гибкость психики...» На улице было много людей, и все-таки в этой картине городского дождя чего-то не доставало.

Пожалуй, того, что у людей не было зонтиков. Одетые во все легкое, а под дождями в вовсе просвечиваемое (что,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.